

Младшая тётушка Гоуданя, Ли Цимэй, вернулась в отчий дом. Вообще-то в возвращении замужней дочери к родителям не было ничего необычного, но пришла она не в положенный срок. Новый год ещё толком не закончился, на носу был Праздник фонарей, а она вдруг явилась — вся в синяках и ссадинах. Шептались, что её жестоко избивали несколько дней кряду; стоило несчастной немного оправиться и подняться с постели, как она сразу же сбежала к родне.

Надо сказать, старая госпожа Ли свою младшую дочь любила и баловала. Пока та жила в девках, ей почти не давали домашней работы. Да и мужа для неё выбирали придирчиво, со всей тщательностью — совсем не так, как продавали внучек ради наживы.

Семья её мужа жила в деревне поближе к уездному городу, не в такой глуши, как деревня Сикань. Вот только с приплодом Ли Цимэй не повезло: одного за другим она родила троих девочек. В прежние времена дело бы ограничилось ворчанием да придирками свекрови, но теперь в стране ввели строгое планирование рождаемости, и это превратилось в настоящую беду.

В деревнях ведь каждый мечтал о наследнике. А тут — сплошные девчонки. Вот родня мужа и принялась изводить несчастную.

Ли Сы во всё это соваться не полагалось. У него был старший брат, были и младшие — каждый из них мнил себя куда умнее и расторопнее.

В подобных случаях за дело должен был взяться старший брат: созвать почтенных старейшин рода и решить, как поступить. Либо договариваться с кланом мужа полюбовно, либо собраться толпой, нагрянуть к ним в дом и проучить как следует.

О разводе никто даже не помышлял.

Ли Сы позвали лишь потому, что деревенские бездельники, завидев его, решили почесать языками. В главном доме семьи Ли звать его и не думали. Но раз уж соседи рассказали, он, как родной брат пострадавшей, просто обязан был пойти и разузнать, в чём дело.

Гоудань лезть в эти дразги не желал. К тётушке он не питал никаких чувств — пусть его считают хоть стократ холодным и безжалостным. В семье хватало старших, и впутываться в супружеские ссоры взрослых ему, как младшему, не пристало.

«Разве что если бы у него совсем не осталось старших родственников...»

Но дядя его были живы-здоровы, да и бабка, старая госпожа Ли, пребывала в полном здравии.

Впрочем, делать всё равно было нечего, так что он прихватил с собой Ван Сюаня, и они не торопясь побрели к старому дому — поглядеть ради приличия.

Ли Цимэй заперлась в комнате старухи Ли и носа на улицу не показывала от стыда. Местные кумушки и молодухи уже с утра толпились у ворот усадьбы, перешёптываясь и посмеиваясь. Они делали вид, будто пришли посочувствовать, хотя на самом деле им просто было скучно долгой зимой, и они искали, чем бы развлечься.

Для деревенских баб мужские побои не были в новинку. Многих из них колотили почём зря, а иных и вовсе избивали в четыре руки — муж вместе со своей матерью. И что потом? Всё равно терпели да жили дальше. Дети ведь уже рождены, да и сами они давно не девицы на выданье — куда идти? Поплачут втихомолку над своей горькой долей и снова берутся за работу.

Все так веками жили. Соседи собрались у дома Ли не из-за того, что их возмутило насилие, им просто было любопытно поглядеть, как поведёт себя семья Ли.

Ведь если замужнюю бабу обижают в чужой семье, она бежит к родителям. И если её братья не последние трусы, они обязаны пойти к зятю, припугнуть его и потребовать ответа. А если родня смолчит и утрётся, то несчастной девке в доме мужа несдобровать — её заживо заедят, зная, что заступиться некому.

Вот это-то бабье любопытство и привело всех к воротам.

Почти каждая здешняя невестка знавала вкус кулака. Кому везло больше, отделялись лёгкой оплеухой да бабьим воем, на котором всё и заканчивалось. У других же, вроде матери Даню, побои превращались в серую и страшную обыденность.

Ещё издали Гоудань услышал завывания старой госпожи Ли. Праздники ещё не отгремели, а тут такое горе — видать, и впрямь у старухи сердце разрывалось от жалости к дочери.

Но, слушая этот плач, Гоудань невольно вспомнил, как эта самая старуха вместе со Старшей тётей Ли Кая когда-то жестоко избивала его собственную мать. Тот день врезался в его память навечно, до мельчайших подробностей. Его родная мать была немой. Когда её били, она не могла даже закричать — лишь глухо, страшно хрипела, и этот сдавленный, kloкочущий в горле звук до сих пор заставлял его кожу покрываться мурашками от ужаса.

«Думала ли тогда старая госпожа Ли, что у неё самой подрастает дочь? Что её собственная кровь выйдет замуж и точно так же будет лежать под чужими кулаками?»

Наверное, не думала. Чужое горе — не своё, пока обух не опустится на твою собственную голову, боли не почувствуешь.

— О, Гоудань пришёл! — крикнул кто-то из толпы. — Что, парень, пойдёшь за тётку

заступаться?

— А как же! — подхватил другой голос. — Всё-таки она из рода Ли. Родной племянник должен постоять за её честь!

Со всех сторон посыпались советы. Трудно было понять, чего в них больше — искреннего сочувствия или желания раздуть чужой пожар ради потехи. Гоудань не стал спорить.

Он лишь прищурился и ядовито улыбнулся:

— Надо же, как вы все близко к сердцу принимаете беду моей тётушки! Сердце радуется. Как только моя бабка сойдётся врукопашную со свекровью тёти Цимэй, вы ведь первыми побежите нам помогать, верно? Очень на вас рассчитываю, соседуски.

С этими словами он растолкал зевак, и они с Ван Сюанем вошли в дом. Ли Сы, как всегда, забился в самый тёмный угол — его мнения никто и спрашивать не собирался. Дядя и старшие братья сидели тут же. Увидев вошедших ребят, они лишь мельком глянули на них и снова уткнулись в пол, затягиваясь дешёвым самосадом. Из комнаты старухи доносились приглушённые рыдания — бабка выла в обнимку с Ли Цимэй. В сенях же царило гнетущее, трусливое молчание.

«Ну и сброд трусливый», — подумал Гоудань.

Столько взрослых мужиков в доме, а никто не осмелился даже вслух произнести, что нужно пойти к семейству Вань и потребовать ответа. Или хотя бы пригрозить им так, чтобы впредь неповадно было руки распускать. У Ли Сы было трое братьев, у тех подрастали сыновья — мужиков в роду Ли хватало, не считая самого Гоуданя, который был у отца единственным.

Вскоре пришли старейшины рода. Первым делом они заглянули в комнату, чтобы оценить побои. Увидев, что Ли Цимэй избита до полусмерти, старейшина нахмурился: тут обычными семейными разногласиями дело не уладишь. Он вышел в сени и спросил старуху Ли, чего она хочет. Но бабка лишь жалобно скулила, причитая о горькой доле дочери и поминая покойного мужа, который при жизни и слова-то пикнуть не смел.

— Ну полно тебе, хозяйка, — сурово постучал трубкой по столу старейшина. — Мы собрались здесь, чтобы решить дело. Скажи прямо: вы хотите проучить зятя силой или пойдёте мириться? Нам нужно знать вашу волю, чтобы решить, как поступить.

Всё-таки они были из разных семей. Старейшины не могли самовольно вмешиваться в чужие дела: частенько случалось, что родня вступалась за бабу, ломала зятю рёбра, а потом молодые мирились и вместе проклинали советчиков за излишнюю жестокость.

— Пусть Цимэй выйдет, — добавил старейшина. — Надо послушать, что она сама думает.

Собирается она возвращаться к мужу или нет?

Тут в разговор поспешно вмешалась Старшая тётя Ли Кая:

— Да что вы такое говорите! Как это — не возвращаться? Детей-то куда девать? Да и если они разойдутся, как мы людям в глаза смотреть будем? Позор-то какой на всю округу!

Ли Цимэй наконец несмело показалась из комнаты, втянув голову в плечи. Лицо её до сих пор оставалось сине-багровым месивом, хотя со дня избиения прошло уже несколько дней. Страшно представить, как она выглядела сначала.

Один из старейшин вздохнул, повернулся к старухе и тихо произнёс:

— Раз уж Цимэй всё равно придётся вернуться в дом мужа, то качать права мы не можем. Придётся решать дело миром, на словах. Конечно, девок рожать три раза подряд — это вина перед родом мужа, они ведь наследника ждут, волнуются. Но и калечить девку из рода Ли мы не позволим, иначе над всеми нашими дочерьми на чужбине измываться станут.

— Но вы и сами видите, — запричитала старуха Ли, — старший мой сын уже немолод, у младших здоровье слабое, а внуки ещё не доросли, чтобы за тётку заступиться! Почтенные старейшины, вы уж сами как-нибудь вразумите этих иродов, заступитесь за нашу сиротинушку!

Ей просто не хотелось подвергать опасности своих сыновей и внуков. Но старейшинам-то какое дело? С какой стати чужие люди должны таскать для неё каштаны из огня? По обычаю, род обязан помогать в беде, но когда сами близкие родственники трусливо пятятся назад, никто за них драться не пойдёт.

Старейшина недовольно отвернулся от старухи и прямо спросил старшего брата Гоуданя:

— Ну а ты что скажешь, как старший мужчина в доме?

Тот лишь что-то невнятно забормотал себе под нос, отводя глаза. Старейшина разочарованно качнул головой и перевёл взгляд на Ли Сы. Тот сидел, уставившись в земляной пол, но, почувствовав на себе взгляд, поднял голову:

— Надо пойти к Вань... Отколотить зятя как следует. А сестру сначала в больницу отвезти, пусть раны обработают.

— К каким ещё Вань?! — взвизгнула старуха Ли, брызжа слюной. — Ты с ума сошёл, ирод! Решил братьев своих погубить? Семья Вань в своей деревне — огромный клан! Да если вы туда сунетесь, вас живыми оттуда не выпустят! Тварь неблагодарная, только и думаешь, как сжить со свету родную кровь!

Старуха знала, что на чужой территории за зятя вступятся все его родственники. Там и до смертоубийства недалеко. Дочь ей было жалко, но подставлять под удар сыновей она не собиралась.

— То есть и миром договариваться вы боитесь, и морду набить духу не хватает? — усмехнулся Гоудань, прислонившись к косяку. — Зачем тогда людей созвали? Посмотреть, как вы тут сопли жуёте? У меня дядьёв да братьев двоюродных — целая орава. Неужели мы с кучкой этих Вань не сладим? Зять-то у них, говорят, единственный сын в семье. Чего бояться? Какими бы многочисленными эти Вань ни были, они давно разделились на разные ветви. Кто за него полезет в драку, если мы прижмём его за дело?

Старшая тётя Ли Кая и тётки тут же злобно зыркнули на Гоуданя.

— Цыц, мал ещё старшим указывать! — запричитала Старшая тётя Ли Кая, утирая сухие глаза краем рукава. — Нашим Цзиньбао и Иньбао сколько лет-то? Разве это детское дело — в мужские разборки соваться?

Остальные тётки и вовсе поспешили вытолкать своих сыновей на улицу, подальше от греха. Вдруг старуха Ли поддастся на уговоры Гоуданя и погонит парней в драку? На чужбине ведь и покалечить могут, кому потом нужен будет сын-инвалид?

Сами-то молодые ребята были не прочь помахать кулаками, кровь бурлила, но матери держали их мёртвой хваткой.

— Милая ты моя, — вкрадчиво заговорила жена пятого дяди, присаживаясь рядом с избитой Ли Цимэй. — Невестка тебе только добра желает. В семейной жизни у кого не бывает размолвок? Зубы и те порой язык прикусывают. Мы вот с твоим пятым братом как повздорим — хоть святых выноси, а как остынем — снова вместе детей растить надо. Муж да жена — одна сатана, сегодня подерутся, завтра помирятся.

Она погладила Ли Цимэй по плечу, продолжая лить сладкий яд:

— Если твои братья сейчас пойдут и отделают твоего муженька, ты душу, конечно, отведёшь. Но ведь злоба у него в сердце останется на всю жизнь. Жить-то вам дальше вместе! Муж возненавидит тебя, и как ты потом в его доме выживать будешь? Без доверия-то?

Ты вот сбежала, а девчонки твои там остались. Сироты при живой матери, каково им сейчас? Погости у нас несколько дней, раны залижи, подлечись. А как семья мужа приедет за тобой — веди себя строго, цену себе набивай. Мы, твои братья и невестки, тоже рядом посидим, погрозим ему пальцем для виду, пожурим как следует.

Главное сейчас — здоровье поправить. А на следующий год родишь ему наконец сыночка, и все беды как рукой снимет! Свекровь сама перед тобой на цыпочках ходить будет, ты для них первой заступницей станешь. Вся жизнь впереди, натерпишься ещё своего счастья.

Старшая тётя Ли Кая согласно закивала:

— И то правда, слушай, что тебе умные люди говорят. Я ведь тоже поначалу одних девок рожала. Свекровь меня со свету сживала, продыху не давала. А как родила друг за другом Цзиньбао и Иньбао, так сразу шёлковой стала. Потерпи, милая. Приедут они, никуда не денутся, тогда мы им и покажем...

Что именно они собирались показать, она уточнять не стала.

Соседи, видя, что семейство Ли решило спустить дело на тормозах и никуда ехать не собирается, стали потихоньку расходиться. О чём тут разговаривать, если сами пострадавшие пятаются назад? К тому же, замужних баб на селе бьют повсеместно — эка невидаль. Всё зависит лишь от того, насколько у родного дома духу хватит заступиться.

Старейшина рода тоже поднялся. Сын давно советовал ему не лезть в чужие дела. Нынешняя молодёжь совсем не ценила былые устои. Раньше клан стоял друг за друга горой, а теперь каждый пёкса только о собственной шкуре. Родственные узы слабели с каждым днём: родные братья, едва женившись и разделив имущество, становились друг другу чужаками.

Гоудань взял отца под локоть и увёл домой. Раз уж сама бабка не хотела связываться с семьёй Вань, то и им тут делать было нечего.

— И чего бабка так испугалась? — проворчал Гоудань, когда они вышли на улицу. — Правда на нашей стороне. Даже если бы мы приехали в деревню Ваньцзя всей гурьбой, они бы и пикнуть не посмели.

— Трус несчастный, — добавил он тише. — Если бы кто-то посмел так обойтись с моей сестрой, я бы его по частям закопал.

Жаль только, что сестры у него не было.

— Молчи лучше, — вздохнул Ван Сюань, шагая рядом. — Они по-своему правы. Даже если бы братья поколотили зятя, Цимэй всё равно пришлось бы вернуться к нему. И тогда он бы отыгрался на ней за унижение вдвойне. Да и свекровь бы её поедом ела за то, что из-за неё сын пострадал. В чужой деревне, без заступников, ей бы просто жизни не дали. Это участь всех девок, которых отдают замуж в чужие края.

Гоудань промолчал. Он вспомнил, что среди тех, кого он мысленно назвал трусами, был и его собственный отец. Ли Сы отродясь не умел постоять за себя, а уж драться его заставить — и вовсе дело гиблое.

Оставалось лишь надеяться, что Ли Сы хотя бы тайком дал тётке немного денег на лекарства. Впрочем, кошелёк у отца теперь был свой, и Гоудань в его траты не вмешивался.

<http://bllate.org/book/19654/1996806>